

Класс 7 Г

Тематическое направление: трагедия и подвиг мирного населения в произведениях искусства

Жанр сочинения рассказ

Тема сочинения „Эхо войны“

## Сочинение

## Эхо войны

Осень 1942 года. Воздух, ещё хранящий тепло ушедшего лета, был пропитан тревогой. В эти дни художник Аркадий Пластов, чья кисть всегда стремилась к самой сути жизни, создав полотно, навсегда оставшееся в народной памяти. Первоначально картина называлась „Конец прощаний“, но по предложению И. В. Сталина получила другое название – „Фантом прощаний“. Это изменение подчеркивало: перед зрителем не просто враг, а само воплощение мирового зла, безграничная сила разрушения.

На картине нет батальных сцен и героического пафоса. Есть лишь миска, спланированная трагедия. Убитый мальчик – пацан, совсем еще ребенок, летит на земле. Его тело раскинулось в последнем, безвольном порыве, а рот приоткрыт, словно он хотел что-то сказать, но не успел. Чуть дальше – нес



сколько мёртвых коров, а в небе - удаляющийся вранеский самолёт. Над ними, словно предвестники беды, кружат вороны. Какенеси, мгновенные назад зеркале жизнь шла своим ходом: на исходе лета раслось стадо в перелеске рядом с бескрайним полем - и вот тут самолёт, грозой выскринов и москвитинский вой собаки над безвечно убитым ребёнком. Природа, обычно добрая и щедрая, стала свидетелем и молчаливым соучастником горю. Мягкие, прищипанные тона - коричневый, змеевый, серый - лишь усиливает ощущение крупности жизни, её беззащитности перед лицом тесноты.

Эта картина - не просто художественное произведение. Она стала голосом тех, кто не мог говорить. В 1943 году на Тегеранской конференции, когда решались судьбы мира, полотно Ткасова было показано лидерам союзных держав. Президенты США и Великобритании были потрясены. Они увидели не абстрактную войну, а живую боль, страдание невинных. Известно, именно этот полотно им помогло понять всю тяжесть происходящего, и, возможно, даже ускорило открытие Второго фронта, приблизив долгожданную победу.

Ткасов, словно продолжая традицию великих мастеров прошлого - Репина, Сурикова - показал нам не парадную сторону войны, а её изнанку. Здесь



нем лозенного нафоса, нег романтизации, отовько обнарённое страдание, неовраще-  
мае юмере. Картина заставилеи зри-  
тели осмаиваиьсе, задумаиьсе, почувст-  
воване чужую боль. Она ставит перед  
нами вопрос: „Сможем ли мы осмаи-  
се равнодушными?“

Писатель-фронтовик Борис Василь-  
ев назвал „Рашиет пролемен“ визи-  
ной кармочкой поколения, прошедшего  
через немьслимые испытания. и  
это правда. Произведение мастера не  
просто запечатлено момент, оно воб-  
рало в себе чувства и переживания  
миллионов людей и стало зеркалом,  
отражающим судьбы простых лю-  
дей, напоминающим о бесценности  
каждой жизни.

И сегодня, спустя десятилетия,  
поионко Тласова продолжает вол-  
новать сердца. В премьеровской гале-  
рее люди разных возрастов осмаива-  
иваиьсе перед кии, ощущая его  
мощную моральную силу. Такие  
произведения — это наша общая на-  
месь, наш урок на будущее. Они  
помогают нам не забывае, ценимь  
мир и стремимьсе к взаимопонима-  
нию между народами. Картина „Ра-  
шиет пролемен“ — это не просто холст  
и краски, это крик души, напомина-  
ние о том, что никогда нельзя допус-  
тить повторение подобной трагедии.

... Старый Иван Петрович, с глубо-  
кими морщинами, медлен-



но, опираясь на разную просьбу, илн по  
милости заману Третьяковской галереи.  
Каждый шаг давался ему с трудом, но  
сегодня он пришел сюда не случайно.

Он знал, что должен увидеть. Вот она.  
Картина Аркадия Пластова "Раненый  
прошлый". Иван Петрович заснул, как  
громом поразенный. Его циничные седые  
брови сошлись на переносице, а глаза,  
когда-то полные юношеского задора, те-  
перь смотрели сквозь пленку времени  
и боли. Он не видел ни красок, ни само-  
го холста. Перед его выжженным  
взором возник маленький мальчик  
Ваня, которому едва исполнилось семь  
лет, когда случилась эта трагедия.

Осень. Такой же пронзительный,  
чистый воздух, насквозь запахом  
премной листвы и дыма ковров. Он  
играл с друзьями на опушке леса,  
когда над головой раздался гудящий,  
ревущий звук немецкого самолета.

Все замерло в страхе, прибежала  
мама и крепко сжала Ваню за  
руку, пытаясь увести в укрытие. Но  
было слишком поздно: земля содро-  
нулась от оглушительного взрыва, крик  
матери оборвался на полуслове, а мир  
вокруг превратился в хаос, в клубящу-  
юся пыль и дым. А потом — тишина.

Странная, звенящая, в которой слы-  
шалось лишь собственное испуганное  
дыхание. Он лежал на сырой земле,  
такой же маленьким и беззащитным,  
как мальчик на картине художника.



Его хрупкое тело, казалось, не могло вынести всей той боли, что обрушилась на него в одно мигновение. В такие моменты позвано маму, но из груди вырвался лишь слабый стон. На фоне серого, зловещего неба кружили жёлуди, предвещающие свою добычу. Природа, которая всегда казалась такой доброй и ласковой, в этот миг была безжалостна, равнодушна к человеческому горю. Кто-то поднимал его с земли, кто-то плакал, кто-то шептал слова утешения, которые он не слышал. Он помнил лишь себе, лежащего на истерзанной земле, и кружащих над ним зловещих вихрей.

Этот страшный образ преследовал его всю жизнь. И вот теперь, спустя долгие годы, Иван Тёмрович стоял перед картиной, воскрешающей прошлое. Перед болью, которая никогда не утихнет до конца дней. Он вновь почувствовал тот же медвежий душок, ту же беспомощность, даже отчаяние. Иван Тёмрович медленно поднял дрожащую руку и прикоснулся шершавой ладонью к холсту, словно пытаясь дотронуться до души мальчика, запечатлённого на картине. К нему, ставшему напоминанием человечеству о бессильности мира, о хрупкости жизни, о том, что зло никогда не должно одержать победу. Он повернулся и, тяжело опираясь на палку, медленно пошёл прочь. Но образ



малышка, летящую на опасной  
звезде, навсегда останется в его сердце,  
как вечное напоминание о цене мира  
о том, что война — это самое страш-  
ное, что может случиться с чело-  
веком. А память — это самое неав-  
ное оружие против забвения.